

Раш К. Б. НЕСМЕНЯЕМЫЕ СТРАЖИ

1. Рыцари Пояса Богородицы
2. Духовная "вспышка"
3. Ближе к Богу
4. Флотская душа
5. Устойчивость государства
6. Свят град...
7. Дух веры и богатырства,
8. Великая и роковая

1. Рыцари Пояса Богородицы

«Вся история России сделана казаками», — это суждение Льва Толстого давно стало крылатым. Но, став таковым, оно, как и всякое клише, перестает будить мысль. Между тем и сам Лев Толстой, говоря о создании России казаками, кроме прославленной военной доблести, в большей мере имел в виду пространственные приращения Российского государства. И в самом деле, первые русские, появившиеся на Сибирском берегу Тихого океана, были казаки атамана Ивана Москвитина, они же были первыми европейцами на этих берегах. В составе отряда Москвитина был и один казак из сподвижников атамана Ермака, разменявший восьмой десяток. Казак Дежнев, уроженец Великого Устюга, как и всякий добрый казак, прирожденный мореход, на кочах (коч - большое палубное речное судно, с веслами и парусами) из устья реки Колымы обогнул впервые северо-восточную оконечность Азии, за что был удостоен собольей шубы и звания наказного атамана.

Когда атаман Иван Кольцо (1582) привез в Москву весть о разгроме орды Кучума и присоединении к Московскому царству Сибири, Царь Иван IV Грозный велел именовать Ермака «Князем Сибирским».

Поход Ермака — ключевой для понимания исторической миссии казачества в судьбе России за последние две тысячи лет, со времени появления на русской земле святого апостола Андрея Первозванного. Два сильных казачьих войска — Сибирское и Семиреченское (на территории нынешнего Казахстана) — ведут свое начало с победы Ермака (1582) над ордынцами Кучума.

В 1636 году Царь и Патриарх утвердили «Синодик Ермаковым казакам», которых стали поминать в Тобольске и Москве. Инициатива принадлежала первому архиепископу Сибирскому Киприану. Тогда стали по церквам «кликать память Ермаку и дружине», вместе с прочими пострадавшими за Православие.

Народ сразу признал в Ермаке местночтимого святого, ибо видел в нем избавителя от тысячелетних набегов, полона и пожарищ «оттоле же солнце евангельское землю Сибирскую осия». Кстати, именно такое словосочетание «солнце евангельское» встречается в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI век), выходца из казаков азово-кавказских.

Савва Есипов, потомок новгородских бояр, составляя в Тобольске «Синодик Ермаковым казакам» для их канонизации, изображал дружину Ермака орудием Бога и описывал их деяния в метафорах, характерных для похвал «Христовым воинам» Борису и Глебу из житийной литературы XI века. Таким образом, Ермак соединил собой все века русской борьбы на границе, став родным братом другому атаману и «старому казаку» святому Илье Муромцу и протянул руку казакам, которые вошли в Париж (1814) и трижды в Берлин (1760, 1813, 1945).

Россия встретила 1917 год, имея на своих южных границах 11 казачьих войск (Донское Казачье Войско, Оренбургское, Астраханское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Амурское, Уссурийское, Забайкальское, Терское, Кубанское), со своими традициями, укладом, полками, батареями, станицами, училищами и славой. Верховным атаманом всех казачьих войск был сам Наследник Цесаревич. Казачьи заставы, дружины и войска с первого века от рождения Христа (хотя история их уходит далее в глубь веков) появились только там, где русскому народу угрожала опасность. Они отражали набеги степняков со времен змеевых валов у Днепра эпохи императора Августа, когда на исторической сцене не было еще ни одного тюрка, но был уже Туран, как кочевое сообщество иранцев. Это были саки, сарматы, киммерийцы, скифы, все чистокровные иранцы. Позже в южнорусских степях появились хазары, тюрки, печенеги, половцы — все как один те же кочевые иранцы, только тюркизированные. Казаки вырастали перед врагом всюду, где русским угрожали полон, грабеж, рабство, истязания. Казаки, называли ли их бродниками, или ранее «тростниковыми ариями», стали с первого часа русской истории иммунным ответом восточных славян на смертельную опасность.

Угроза полона сопутствовала русской жизни с первого часа ее истории и до нынешнего XXI века включительно, через нашествия, набеги, разбой, угон и зинданы Кавказа. Эта трагическая составляющая, формировавшая весь уклад русской жизни, была незнакома европейцам и плохо осмыслена всеми русскими офранцузенными историками, и в том

числе Карамзиным, Соловьевым, и особенно Ключевским. Когда русские славянофилы, возвращенные западными веяниями, призывали освободить болгарских «братушек», через Черное море, Кавказ и Среднюю Азию волокли в рабство их православных русских братьев. И во времена Аксаковых орды охотников за невольниками добирались даже до средней Волги. Только в толщах православного народа глубоко понимали и чтители миссию Ильи Муромца, Ермака, Платова. Кстати, в Георгиевском воинском зале Кремля на барельефе изображены только два высокочтимых народных заступника, и оба казаки-атаманы, — князь Ермак и граф Платов.

Казаки стояли на страже не только границ, но противостояли духовной экспансии. Потому изначально каждое казачье войско — это по сути военно-духовный орден, и только в этом качестве видели казаки смысл своего пребывания на земле.

Генерал Корнилов, обращаясь ко всему казачеству в 1918 году, в один из самых страшных периодов русской истории, призвал: «Казаки, рыцари земли русской!»

Таковыми они были во все века. Еще византийский историк XII века Никита Акоминат называл бродников «презирающей смерть ветвью русских». Несколько позже правивший в малолетство Дмитрия Ивановича (Донского) московский митрополит св. Алексей (1353 — 1378) послал свое благословение (за двадцать лет до Куликовской битвы) в 1360 году всем христианам, обретавшимся «в пределах Черленого Яру и по караулам возле Хопер и Дону». Мы знаем, что казаки перед Куликовской битвой преподнесли Великому князю Дмитрию Ивановичу икону Донской Божией Матери.

В 1444 году казаки в составе войск Василия II на лыжах отражали набег татарского хана Мустафы в Рязанскую землю. Она соприкасалась с Дикой Степью, потому здесь, на самом опасном участке стояли казаки. Об этом есть упоминания в летописях.

В те годы граница Московского княжества проходила по реке Оке. Ограждающее и спасительное русло реки в народе называли Поясом Богородицы. Кто мог тогда в мире

предположить, что это истекающее кровью княжество, ведущее непрерывные войны на три фронта за свое физическое существование, через сто лет вернет все русло Волги до Каспия и еще через сто лет выйдет к Тихому океану. И, как теперь мы знаем, именно казаки станут ударной силой русского народа в его продвижении к океанам. Одновременно казаки ни одного дня, со времен Андрея Первозванного и по сей день, не покидали русской границы — став несменяемыми стражами Пояса Богородицы.

2. Духовная "вспышка"

Казаки во всех военных сводках упоминаются как непревзойденная военная сила, способная действовать на суше, на море, в горах и на реках, хотя в сознании всех народов казак прежде всего всадник. Но историки трех последних веков уже были одномерны, в силу своего обмирщения, а то и даже скрытой антицерковности. Эта ущербность не дала им возможности увидеть главное измерение в поведении казаков, а именно их исключительную духовную активность и стойкость. Казаки прежде всего члены военно-духовных православных войск-орденов и застав . Русский эпос начинается с застав «у синего моря». Там в Азово-Кавказской Руси проходил тогда Пояс Богородицы.

Слова «застава» и «обет» одной природы, они из сферы запрета и нормы. Граница — понятие религиозное и спасительное. Вне границ нет жизни, как нет ее вне дистанции между людьми. Только огражденность правом дает свободу. Нечистый и вор не любят границ. Граница — пронизывающая жизнь категория и сама обладает божественной субстанцией. Даже десять заповедей — это десять запретов и границ. Потому религиозность пронизывала каждый час и шаг казака. Мы не имеем в виду отвязанную вольницу, пугачевщину и разинщину, проклятую Церковью.

Именно как боевое и духовное ядро русского народа казачество оказалось наиболее религиозно стойким сословием и превзошло в этом даже духовенство. Одна из самых лживых и злонамеренных инсинуаций в адрес казачества — утверждение, что казачество в основном комплектовалось беглыми и голытьбой, которые жили разбоями.

Несомненно, были и такие (видимо, они чаще, чем другие, давали о себе знать), но ядро казачества и его старшину составляли люди, укорененные в Православии, большинство из которых выходцы из свободных сословий — воины, дворяне, люди гулящие, сознательно выбравшие путь воинского служения в ответ на полон и разорения ордынцев. Это был военно-религиозный ответ лучшей части русского народа на вызовы и бесчинства соседей, веками промышлявших работоторговлей.

Нигде верность русским началам не была так сильна, как в казачестве.

В XV веке Московская Русь на пути к океанам и за возврат отеческих земель стала сокрушать на своем пути одну орду за другой. Мы знаем даже день, месяц и год этого «взрыва сверхновой» духовной вспышки, которая многократно превосходила по силе и последствиям Куликовскую битву. Мы знаем, что после Куликовской победы через два года Тохтамыш сжег Москву, и Русь продолжала платить дань. А вот после события, о котором идет речь, Русь духовно освободилась сразу и навек, став религиозной сверхдержавой, призванной спасти мир. Произошло это главное событие русской истории 21 марта 1441 года.

Дело в том, что за 250 лет от принятия Христианства Великим князем Владимиром в 988 году до ордынского погрома и разорения Киева в 1240 году Русской Церковью правили всего два русака — это Ларион при Ярославе Мудром (XI век) и Климент Смолятич при Великом князе Изяславе (XII век). Вдвоем они управляли Русской Церковью едва ли десять лет. Все остальные — были ставленниками Константинополя. Патриархи Константинополя, несмотря на пышную титулатуру, почти всегда были послушными орудиями в руках администрации императоров этой интригующей и торгово-бюрократической власти. В русском народе византийцы вызывали глубокое недоверие, если не сказать презрение, за двуличие и интриги. Любые попытки русской власти в Киеве и позже в Москве назначить на митрополичий престол русского иерарха вызывали крайнюю враждебность экуменической администрации василевсов. Каждая попытка русских князей не брать чужеземцев на митрополичью кафедру приводила к враждебной реакции Константинополя и многолетней смуте. Между тем Киев и Москва платили колоссальные суммы Константинополю, соизмеримые с данью Орде. При этом Константинополь вместе с Ордой, вцепившись в Русь, преступно попирали церковные законы, которые должен был охранять.

«По первому правилу апостольскому и по четвертому правилу Первого Вселенского Собора, епископы каждой области имеют право избрать и посвятить старшего епископа». На основании этих правил были посвящены русскими епископами упоминавшиеся митрополиты: Илларион при Ярославе Мудром и Климент при Великом князе Изяславе.

И вот, наконец, по смерти митрополита-грека Фотия в 1431 году Великий князь Василий II избирает кандидатом в митрополиты епископа Рязанского Иону, родом из костромских дворян, мужа доблестного и высоких духовных качеств. Он до утверждения именуется «нареченным в святейшую митрополию русскую». Однако «нареченный» митрополит Иона возведен был в сан Собором русских архиереев только через 17 лет в 1448 году. Но это церковное нестроение и смута стали временем величайшего торжества Русской Церкви за всю ее двухтысячелетнюю историю.

Именно в год «наречения» митрополита Ионы византийский император Иоанн VII Палеолог назначает на русскую кафедру энергичного интригана неизвестного происхождения Исидора и отправляет его в Базель готовить унию. Тем временем сам император Иоанн VII вместе с Константинопольским патриархом Иосифом на папских галерах отправляются в 1438 году на Собор в Феррару, чтобы принять условия унии с Римом и поцеловать папскую туфлю.

Собор открылся 9 апреля 1438 года в Ферраре, а на следующий год переехал во Флоренцию вместе с Папой Евгением, одиннадцатью кардиналами и полутора сотнями епископов. Уния была провозглашена во Флорентийском кафедральном соборе 5 июля 1439 года. Папа объявлен главой всех Церквей. Прозревший в изгнании богослов А. Карташов писал: «Греки потрясли русских своей изменой Православию на Флорентийском Соборе (1439). Эта измена легла незабываемой гранью в истории их взаимных отношений. «Солнце Православия померкло», сам вселенский царь с патриархом поцеловали туфлю Папы! Наступило страшное затмение Православия, голгофийский мрак и трепет объял русские сердца. Авторитет греков умер. До сих пор отрочески покорные ему русские вмиг стали религиозно совершеннолетними, покинутыми только на самих себя. Это был многозначительный духовный толчок, скристаллизовавший русское религиозно-патриотическое сознание. Произошла переоценка самого мерила православности».

Едва ли не главным униатским мотором был Исидор, которого за два года до этого Василий II вынужден был принять в Москве как русского митрополита, поставленного Константинополем. Когда в 1436 году митрополит Иона прибыл в Константинополь для своего утверждения, ему с византийской лукавой наглостью объявили, что это место уже занято Исидором. Папа Евгений за услуги Риму возвел Исидора в сан кардинала-пресвитера и даровал ему титул «легата от ребра апостольского в землях ливонских, литовских и русских». А Исидор угодливо называл Православие «старой ересью».

19 марта 1441 года этот «легат от ребра апостольского» с торжественной пышностью въезжал в Москву. Впереди Исидора несли «латынский крыж» (крест). В Успенском соборе Кремля он отслужил униатскую службу, воздав хвалу Папе Римскому Евгению. Русские иерархи были в форменном столбняке от наглости Исидора. А ведь, отправляя Исидора в Италию на Собор, Василий II потребовал от этого ренегата, чтобы он не привозил в Москву «неправильной веры». Василий II знал, что уже 20 лет ромеи ведут с папством переговоры об уни.

Не дожидаясь, пока русские иерархи обретут дар речи, 26-летний Великий князь Василий II громоподобным голосом призвал стражу и велел арестовать «волка»-перебежчика — Исидора. Папского легата посадили под замок в Чудов монастырь. Осенью ему позволили бежать, чтобы утихомирить папский двор и погасить вопли из Константинополя.

Поместный Собор Русской Церкви выбрал митрополита Рязанского Иону (Федора Одноуша) главой Русской Церкви. Позже, во время осады Москвы ордынцами, отважный митрополит Иона будет под градом стрел служить, на кремлевской стене и кропить русское оружие. Св. Иона вместе со святыми митрополитами Петром и Алексием станет одним из трех отцов Русской Церкви и наиболее чтимых святителей.

С митрополита Иона начнется новая эпоха Русской Церкви и новое качество русской духовной жизни. Вскоре Константинополь будет наказан Богом за нечестие и захвачен османами (1453). Когда мусульмане осадят город, на стенах будут стоять редущие ряды наемников, а десятки тысяч священников и монахов будут прятаться по щелям.

События в Кремле в марте 1441 года потрясли до основания душу народную и особенным огнем обожгли души казаков по всем дозорам, заставам, станицам. Русский народ через своего государя и отцов духовных вдруг понял, что остался один в целом свете и избран Богом для защиты и распространения на земле истинной веры.

3. Ближе к Богу

Казаки с первого часа появления на исторической сцене уверовали, что тот священнослужитель ближе к Богу, кто ближе к опасности и передовой. Предшественниками казаков были в языческие времена витязи, добровольно охранявшие святыни своего народа. У каждого крепкого языческого святилища славян была своя неизменная стража в триста всадников. И «три» и «триста» — издревле у них сакральные цифры. Казаки прямые потомки этих храмовых всадников. Потому-то народы-братья — русские, белорусы и украинцы — единственные на земле, которых можно назвать «казакообразующими народами». От сего дня по всему пространству России — и не только на рубежах — везде, где русскому народу приходится тяжело, без указов сверху стихийно появляются самоорганизующиеся группы казаков. Три казачьи семьи уже звено. Три звена уже станица. Сейчас казачьи станицы можно встретить в любом месте России. Во все века казаки шли впереди государства, что наиболее ярко проявилось на границах Руси и в движении землепроходцев.

Без 1441 года не понять ни одной страницы в истории казачества и русского народа в целом — как до этой даты, так и после нее. Вот почему деяния Никона безмерно оскорбили русский народ. Дело не в том, правил он книги или нет. Никон через изолгавшихся греков-ромеев стал поучать православный русский народ, который уже два века (с 1441 года) нес тяжелое бремя избранности, отбиваясь от наседающих врагов и истекая кровью. Никон презрел самую душу русского народа. Все офранцузенные историки XVIII — XX веков шельмовали староверов, ерничая насчет их «двоеперстия» и ретроградства. На самом деле староверы были убеждены, что Православие у греков «испроказилось», а у русских осталось в чистоте и полноте. Потому из их книг нельзя брать не только ни одного слова, но даже ни одной буквы. Они, кстати, лучше нас были

осведомлены, что книги греков печатаются у униатов в Риме и Флоренции, — потому те книги нечестивы. Оспорить эту логику староверов и сейчас никому не дано.

Уже двести лет, как Москва стала Третьим Римом, и тут появляется некий мужлан, тщеславный, именем Никон, который привозит книги, изданные все в той же нечестивой Флоренции, и требует по ним равняться Святую Русь. Еще Иван IV Грозный, человек образованный, твердо отрезал: «Греки нам не указ. Мы не грекам, а слову Христову следуем».

Ни в одном слое русского народа 1441 год не вызвал такого духовного ликования, как в среде казачества, стоящего на передовой у Пояса Богородицы. Именно потому казаки и стали наряду с Русским Севером оплотом староверия до самого 1917 года.

Дон не мог не стать оплотом староверия, как истинный защитник русских национальных начал. К юности Петра среди донских казаков, а тем более терских и гребенских, невозможно было встретить человека, который не был бы убежден, что в срубе Пустозерска надо было сжечь Никона, а не величайшего русского пророка и писателя Аввакума Петрова.

После войны 1812 года с безбожной Францией именно казаков народ воспринимал как своих лучших представителей на войне, а Платова их вождем. Атаман Платов был из неукротимых староверов, а значит, духовно из 1441 года.

Казаки в глазах народа и их вождь Платов стали главными героями Отечественной войны. Никогда в истории, ни в одном государстве, ни одно сословие, рожденное снизу и вопреки власти, не достигало таких высот. 1812 год стал вершиной военно-духовного служения казаков — Руси. Чтобы описать их действия до взятия Парижа, понадобился бы не один том. В 1812 году казаки последними ушли из Москвы и первыми ворвались в нее. Кутузов доносил Императору Александру I: «Казаки творят чудеса». В боевых столкновениях казаки превзошли прославленную регулярную кавалерию Мюрата. В одной из сшибок они изрубили даже тяжелых кирасир. Специалисты вынуждены были

признать, что казаки превосходят венгерских гусар и немецких драгун. Сражения 1812 года и освобождение Европы выдвинули русских казаков в ряды лучшей на земле кавалерии. Слово «казак» с тех пор в Европе стало синонимом русского солдата и неудержимой отваги.

Когда Платов появился в Англии, принц крови посчитал за честь взобраться на козлы его экипажа и выполнять роль кучера. Дамы высшего английского света, чтобы не ссориться, разделили заранее между собой, какая дама за какой палец будет держать атамана графа Платова на приеме.

Казаки были неизменными спутниками Петра Великого во всех его воинских предприятиях и были неразлучны с Суворовым во всех его походах.

При штурме Измаила Суворов велел казакам возглавить штурмующие колонны. Казаки были в самых горячих местах во время Итальянского похода Суворова.

Величайший из живших на земле поэтов, Вергилий, составил себе следующую эпитафию: «Манту ей был я рожден, Калабрией отнят. Покоюсь в Партенопее. Воспел пастбища, села, вождей». Родину Вергилия Мантую брали с полками Суворова и казаки. Особенно отличились в походе Суворова бородачи — уральские (яицкие) казаки — все до единого суровые староверы, чьи предки в 1577 году основали под началом атамана Нечая вольное казачье войско на берегу реки Яик. Через три года (1580) эти же казаки разгромили Сарайчик, столицу ногайцев, разорявших набегами русские села. Вожаков своих они выбирали на казачьем круге и никому на свете не подчинялись. Только в 1613 году Яицкое казачье войско, по их челобитной, принято в подданство Московскому царству. Но зависимость была предельно номинальной. А после раскола, привнесенного патриархом Никоном, яицкое войско стало оплотом староверия и до 1917 года сохранило свою духовную независимость.

4. Флотская душа

Казачество — наиболее яркое выражение флотской души Руси во все века ее истории еще со времен Андрея Первозванного. Именно морская душа казаков питала историческую уверенность Великого Петра и его веру в океанскую судьбу России.

Именно после Петра I появилась крылатая фраза: «Основание всей коммерции Российской империи есть Волга». Кроме того, только по ордынскому инерции казаков называли «землепроходцами». Землей казаки не ходили. Они передвигались только верхами или на кораблях, построенных своими руками. От Волги до Тихого океана казаки прошли водой из одной речной системы в другую, спешиваясь только на волоках и дожидаясь в зимовьях полной воды после ледоходов.

На протяжении двухсот пятидесяти лет до прихода Петра I струги донцов и чайки запорожцев в совместных братских ударах беспощадно терзали весь флот Османской Порты и нередко дрались на улицах Царьграда под окнами султанского сераля. Морская активность казаков повышалась с каждым десятилетием — после захвата и осквернения османами святой Софии Царьграда (1453) и до первого Азовского похода Петра I в 1695 году. Казаки все эти века оставались на Русском (Черном) море как бы полномочными представителями Киевской Руси.

Усилиями Петра Великого и его трудами Волжская речная система становится средоточием русского экономического могущества. Водные пути Волжско-Камского бассейна охватывают пространства от Балтийского до Каспийского моря, от Уральских гор до центра Европейской России. Эти водные дороги оказывают мощное воздействие на развитие экономики и транспорта обширной территории, превращая Святую Русь в единый организм. Понятие «Евразия» при этом становится фикцией, чисто школьным термином.

Казаки и есть главные творцы святорусской державы, омываемой тремя океанами.

В Волжском бассейне сильные Астраханское, Уральское, Оренбургское, Терское и Донское казачьи войска веками являлись гарантами присутствия здесь России и фактором, скрепляющим торговлю и обширную мирную пашню.

Для транспортных потоков в одном Волжском бассейне без Камы использовались около сорока судоходных рек. Волга стягивает торговые дороги Прикаспия, Дона, Нижнего Поволжья, Предуралья, Центральных черноземных губерний и соединяет их с торгово-промышленными районами Северо-Запада и всей Прибалтики вместе с Петербургом.

На всех стратегических узлах этой обширной водной системы, превышающей по размерам Западную Европу, стояли казачьи остроги, крепости и полки, особенно с Юга и Востока, заслоня Русь от подлых набегов. Еще в 1574 году воевода Иван Нагой заложил со стрельцами и казаками Уфимскую крепость. Ровно через сто лет уфимским казакам пожаловано одно большое знамя и три прапора. В 1586 году казаки основывают город Самару. Гарнизон Самары состоял из городских казаков и смоленских дворян-белорусов, поверстанных в казачью службу. В 1643 году самарским казакам пожалован Царем вестовой колокол.

По рвению величайшего поклонника Петра Великого Ивана Кириллова, который ежедневно молился на заказанную им икону царя, трудами уфимских и самарских казаков в 1734 году в устье реки Орь заложен город Оренбург и положено начало славному Оренбургскому войску.

В 1615 году Царь Михаил Федорович даровал казакам грамоту «на владение рекою Яком, с сущими при ней реки и притоки и со всеми угодьями, от вершин той реки до устья».

В те годы киргиз-кайсаков (казахов) там еще не было. Первые их стойбища появятся восточнее реки Яик (Урал), спустя более чем столетие. В 1723 году полчища джунгар захватят Ферганскую долину и Туркестан. Они-то и выдавят Малую и Среднюю кайсацкие орды в северный Прикаспий, где те попросят русского подданства.

Соседом Уральского казачьего войска станет Оренбургское войско, которое будет третьим по численности после Донского и Кубанского казачьих войск.

Казачья культура веками давала верховной российской власти уроки стратегического, а значит, морского, мышления. Но, как бы это ни казалось неожиданным, нерелигиозное сознание совершенно не способно к геополитическому мышлению, не говоря о туповато-континентальном мышлении — наследии Орды.

Известный современный политик, бывший директор Федеральной пограничной службы генерал А. Николаев, справедливо отметил:

«Все российские власти, после Петра, мягко говоря, недооценивали роль и значение России как морской державы. Только с распадом СССР мы реально ощутили последствия утраты части выходов в Балтийское, Черное, Каспийское, Азовское моря. Потому так важна сейчас сильная политика России на ее морских пространствах. Простые подсчеты показывают, что морские пространства России превышают площадь ее континентальной части. И здесь требуется совершенно определенная пограничная политика государства».

В том же интервью генерал Николаев пронизательно заметил: «Сегодня, оказывается, для изменения границ вовсе не обязательно осуществлять военную агрессию. Достаточно явочным порядком освоить часть приграничных территорий, закрепившись там экономически, что и наблюдается в настоящее время в ряде мест. Мы называем такие процессы «демографическая экспансия».

Эта страшная ползучая демографическая экспансия идет по всему периметру российских границ, и особенно в Приморье и по Амуру.

Это происходит не только «сегодня», а известно со времен древнего Шумера, античных Эллады и Рима. Все основные агрессии были ползучими. Так, семитский Аккад и позже Вавилон веками инфильтрировались в культурный Шумер, принимая их богов и письменность, пока не заглотили шумеров, этих «благородных черноголовых», как оплакивали их последние цари Шумера.

О демографической экспансии все без исключения телевизионные балаболы, сами себя называющие политологами, никогда не говорят по существу. Они делают вид, что Россия граничит только с Западом. Последний их волнует со времен дармовых сертификатов их родителей и магазинов «Березка».

Тайну демографического ползучего нашествия казаки несли в своих генах, а религия только укрепляла это главное на земле знание.

Если бы все, без исключения, нынешние наши политики и руководители страны, прежде чем идти во власть, сдавали бы строгий экзамен, публичный, на знание природы российской границы, роли казачества и речных и морских путей в тысячелетней судьбе России — тогда многих катастрофических политических ошибок последних десятилетий удалось бы избежать.

Все коренные казачьи войска, кроме Сибирского, названы по именам рек и озер. Все казаки, до того как стали всадниками, были моряками и речниками. Они же — создатели судов сугубо русского класса «река-море». Петр только оценил их сразу и усовершенствовал.

Северный Каспий у дельты реки Урал до 1917 года считался морской акваторией

Уральского казачьего войска, как Каспий в дельте Волги был морскими водами Астраханского войска. Оба войска владели всем северным Каспием почти пятьсот лет. Реки Урал, Терек, Волга, Кубань и Дон с Азовом и Каспием кормили пять казачьих войск и их предков со времен Августа. Безраздельными хозяевами этих мест стали казаки именно в период расцвета Сарайской Орды, когда русские составляли более половины ордынских войск. Реки Волга и Урал с Каспием почти на сто процентов обеспечивали казаков едой и всем необходимым. На рыбу они выменивали и оружие с порохом и свинцом. Азов, Каспий и Яик выпестовали морскую культуру казаков — с рыболовством, кораблестроением, знанием моря, навигацией. Позже Петр I в Казани и Астрахани создаст адмиралтейства и верфи. Каспийское (Хвалынское), как и Черное, были поистине русскими морями. Струги казаков бороздили Каспий до Ирана и были хозяевами почти всех его берегов.

Уральские (Яицкие) казаки искренне считали себя «Божьими прияицкими лыцарями». Это определение говорит о том, что подвижные и пытливые казаки знали все о природе религиозной воинской доблести и равнялись на орденское рыцарское служение. Мечь за полон братьев, сестер и матерей век за веком приводила из глубин Руси самых отважных на берега Азовского, Черного и Каспийского морей. Они как Илларион, Илья Муромец, Александр Невский, донской казак Ермоген — Патриарх, Ермак Тимофеев и Петр I, дерзновенно уверовали, что спасутся отважные и павшие за Веру, ибо их ждет Царствие Небесное.

В XVII столетии Яицкое казачье войско на сто процентов становится самоуправляющейся республикой казаков-староверов. Этот дух они донесут до «окаянного» семнадцатого года. В тесной и непрерывной связи с Волгой, Терекон и Доном морское сообщество казаков-уральцев создает свою самобытную культуру, опираясь на водные ресурсы от Уральска до Гурьева. От разбоев и вольницы было много шума, молвы и даже песен. Но не это было стержнем жизни казачества, а хозяйственное и культурное освоение края и защита от разоренья и набегов.

Степи по обоим берегам реки Урал бесплодны. Только река Яик до Каспия кипит от косяков благороднейшей рыбы. Расцвет рыболовства на реке Урал и Волге приходится на середину XVI века с падением недолговечных Казанского и Астраханского ханств. Оба ханства с падением Орды просуществовали едва ли сто лет, да и то правились

ставленниками то Москвы, то Крыма.

В конце XIX века среднегодовой улов «царской» рыбы на реке Урал достигал более двух миллионов пудов. В Гурьеве и в Аксае на Дону работали до 1917 года мореходные казачьи классы. «Уральские войсковые ведомости» за 1906 год (№24) публикуют «Проект образования морского сословия», которое мыслилось составить из волонтеров, служивших когда-либо на флоте, и казаков всех войск, и, в первую очередь, из казаков, занимавшихся рыболовным промыслом. Сами уральцы были как бы идеальными членами морского сословия России.

Они знали морское дело, и вся их хозяйственная жизнь проходила в пределах «река — море». Из семи пунктов проекта шесть полностью или частично уже были воплощены в жизнь в Уральском казачьем войске. Уральцы строго соблюдали правила войскового рыболовства ценнейшей рыбы — осетра, белуги, шипа. Икра была главным товаром доблестного войска.

Насколько сильно мистическое и провидческое начало в военно-духовных орденах казаков видно из того, что три грозных войска одновременно заслонили и сберегли для Руси дельту Волги, Урала и Терека, взяв под контроль почти весь Каспий. Эти три казачьих войска — Терское, Астраханское и Уральское — они как будто знали мировую роль Каспия в русских дорогах.

Вслед за казаками моряки и ученые давно поняли, что через Каспий можно попасть из Белого моря прямо в Индийский океан через Персидский залив. Из бассейна Атлантики (Балтика) можно легко проложить сказочный путь в страны тысячи и одной ночи. Для этого следует всего-навсего прорыть канал в Иране между впадающим в Каспий Кизилузенем и впадающими в Персидский залив реками Керхе и Карун. Чистейшую воду Каруна возил с собой в походы иранский шахин-шах Кир Великий, внук последнего мидийского царя Астиага. Длина канала составила бы около 500 километров. Стоимость строительства, по иранским оценкам, от 5 до 6,5 миллиардов долларов. Разве это суммы для такой дороги?

Россия призвана стать главной «водной державой» мира. Канал предполагают при участии России прорыть в 2015 году. Мечта Петра I достигнуть Индийского океана из России сбудется. Да еще без пересадки. Генерал-адмирал Павел I, став императором, в 1798 году подписал указ: «Водным путям Державы Российской быть...» Павел I во всем подражал прадеду Петру Великому и твердо был намерен осуществить создание всемирного морского атласа. А вскоре флот и казаки, сразу после овладения Крымом, начнут уничтожение таких мерзких работорговых гнезд, как Анапа, Геленджик, Сухум. Казаки всюду — там, где решается русское дело. Они с Суворовым в Итальянском походе на родине Вергилия. Тогда же сотня казаков судами отправлена на Корфу. Именно благодаря их исторической вахте на берегах Каспия вскоре мы сможем проплыть из Петербурга, Москвы и Архангельска по Беломоро-Балтийской и Волго-Донской системе и без пересадок достигнуть арабских эмиратов и Индии в комфортабельных каютах судов русского класса «река-море», излюбленного класса казаков.

Это станет новым прорывом России к океанам. Москва станет портом не трех, а всех четырех океанов планеты.

Транзитные доходы России на пути в Индийский океан через Каспий составят более трех миллиардов долларов в год. Если мы вложим капитал в это строительство, то вернем деньги всего через два года.

5. Устойчивость государства

Казаки Прикаспия, Астраханского и Уральского войска, и Кавказской Руси, т.е. казачьих войск — Терского, Донского и Кубанского, оказались историческими гарантами всех свершений Юга России.

Будущее Русского Юга без дееспособного и организованного казачества немыслимо не только на Кавказе, между Черным и Каспийским морем, но и от Каспия до Амура и Уссури. Без казачьих войск Русского Востока — без Уральского, Семиреченского, Оренбургского, Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войска — российские границы не выдержат напора мигрантов, наркобанд и террористов. Стало быть, судьба России, как и прежде, зависит от судьбы казачества. Вот почему политик любого уровня не должен находиться во власти, если он не понимает роли казачества в безопасности России.

Казачьи «линии» не только не имеют ничего общего с «фронтиром» американского Дальнего Запада, они скорее антипод его. Фронтир породил легенды и мифы, умело подхваченные и талантливо раскрученные в вестернах Голливуда. Миф этот творился на наших глазах и стал основой американского самосознания. У нашей пограничной линии — другая историческая миссия. По сравнению с жестокими казацкими сечами на границе, похождения ребят, «стреляющих с бедра», — почти мюзикл с пальбой и счастливым концом. Загнали индейцев в резервации, и кончился фронтир. Казачий вал, оградивший рубежи православной Руси, со времен «старого казака» — святого Ильи Муромца — антипод всех известных укрепленных границ в истории. Мы знаем о цепи воинских поселений и крепостей на окраинах Римской империи с гарнизонами легионеров. Следы этих укрепленных валов сохранились и поныне на севере Англии, в Испании и Африке. В границе и казачьих войсках отпечаталась сокровенная ипостась России, ее коренное отличие от всех стран-соседей. Отдаленную родственность можно разглядеть в германских пограничных марках. Но живой казачий вал вооруженных православных семей с оружием и плугом, рожденный народом, а не государством, особенно контрастен, когда на Востоке сближается с Великой Китайской стеной. Китай отгораживался веками намертво от хищных степняков. Заодно всемирно очертив пределы своих владений на Севере. Казаки шли навстречу степнякам через поединки и сражения. Возвращая год за годом свои рубежи к тем местам, где их застал апостол Андрей Первозванный. Когда после великого 1441 года народ двинулся к океану, казаки встретились в бою и с китайцами. Там, на Амуре, они покрыли себя неувядаемой славой в 1650 году в битвах за свою крепость Албазин. В 1900 году часть из них поразят мир рейдом через всю Манчжурию, другие пройдут Великую Китайскую стену и войдут в Пекин. За эти подвиги забайкальские, амурские и уссурийские полки казаков получат серебряные гвардейские трубы и знаки на головные уборы с надписью «За Пекин в 1900 году».

Историческая роль казачества в судьбе России выявилась в годы катастроф, смуты и гражданской резни, и стала очевидной даже для этнических кастратов — социалистов всех мастей. Вдруг стало для них очевидным, что государственная устойчивость России зависит от казачества, от военно-духовных войск - орденов Пояса Богородицы.

Ни один русский писатель, ни историк, ни мыслитель, ни публицист не заметили гигантского тектонического сдвига в пределах Отечества. Таким сдвигом явилось превращение во второй половине XIX века тысячесабельного корпуса Оренбургских казаков в одно из самых грозных казачьих войск и третьего по численности после Донского и Кубанского. К началу царствования Императора Николая II число их сабель выросло в сорок раз! На Первую мировую войну оренбуржцы выставили уже 60 тысяч человек. Тогда же от Кубанского войска ушло на фронт 89 тысяч воинов. Донцы первенствовали, как всегда, и дали более 100 тысяч отборных бойцов. В те же годы оформилось и окрепло благородное и доблестное Семиреченское казачье войско, со столицей в городе Верный (Алма-Ата). Кстати, основателем города Верный был дед нашего знаменитого генерала-инженера Карбышева, умученного нацистами в плену. Казачество оказалось самой удачной формой участия народа в государственном строительстве. Интеллигенция, как всякая деклассированная и вне-сословная прослойка, не могла оценить созидательного гения казачества и воспринимала казаков только через ожоги нагаек.

Теперь мы узнали еще более ужасные вещи. Оказалось, накануне Церковного Собора 1917 — 1918 годов 98 процентов церковнослужителей были тайными цареворцами. Оплотом этих отступников были духовные академии столиц. Они на Собор в Москве не пустили ни одного истинного монархиста, и прежде всего митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). Именно того, кого большевики первого на Руси и умучают в Киевской лавре. Так духовенство в канун 1917 года отпало от монархических устоев и от русского народа, в том числе и от самой религиозной и самой монархической его части — а именно: казачества. Расплату церковникам Господь пошлет через большевиков, и расплату, по сравнению с которой «египетские казни» — разминка.

Осознать не только военно-государственную роль народно-земледельческих войск на всех южных рубежах Родины не смогли ни Достоевский, который в пределах Сибирского казачьего войска зарабатывал себе вторые офицерские эполеты после «Мертвого дома», ни франкофил Катков, который охранял монархию с тайной влюбленностью в либеральную Францию, как, кстати, и Карамзин, который хоть честно признавался в своем республиканизме, ни многогранный и пламенный публицист Михаил Меншиков, ни расстрига-марксист Петр Струве, ни тем более змеино-ироничный тайный разрушитель устоев, любимец демократов Ключевский. Они не поняли глубинных основ русской судьбы, потому что не ведали, что Ермак в глазах русской народной толщи — исапостол (равноапостольный). Им было неведомо, что казачество (если не считать десяти миллионов староверов, которые, кстати, до 1917 года держали две трети всех

русских капиталов) — самая религиозная, а значит, и самая духовно одаренная и стойкая часть русского народа.

В России за два века после Петра I были только три великих истинно народных историка — это Иван Кириллов, Голиков, автор «Истории Петра», и Иван Забелин, автор «Истории русской жизни».

Даже и сейчас роль казачества не осознана обществом. А среди казаков появились мутанты-полукровки, которые считают казаков отдельной нацией.

Сегодня ни в правительстве, ни в Федеральном собрании, ни в одной партии нет людей, которые полностью понимали бы роль казачества в созидании государства и в обеспечении его безопасности не только на границе, но и во всех городах России, большая часть которых выросла из острогов, этих орлиных гнезд «городовых казаков». К примеру, все без исключения города Сибири до 1917 года, начиная с Тобольска, были основаны казаками. Факт, который должен был ввергнуть в глубокую задумчивость не только историков, но и всех мыслящих государственных мужей, если таковые еще сохранились на Руси.

И сейчас в правительстве и среди оппозиции вряд ли сыщется человек, понимающий в совокупности стратегическую и геополитическую роль ледового Северного морского пути. Эта столбовая национальная дорога России с недрами Сибири и шельфом океана, который Ломоносов называл «Сибирским», есть главное и спасительное благословение Господне русскому народу.

Северная ледовитая дорога идет вдоль всего фасада России по ее студеным внутренним морям, где на прокладке трассы по ночам в огнях трудятся атомные исполины. В мире только Россия имеет атомный ледокольный флот. До революции ледоколы называли именами казаков — «Ермак», «Дежнев», «Илья Муромец», «Святогор». Ничто не дает России такой самобытности, как Северная морская дорога от океана до океана и военно-духовные казачьи войска от Черного моря — этого залива Атлантики, до Тихого океана. Подо льдами Ледовитого океана могут надежно укрываться и атомные подводные крейсера. Незачем изуверски держать ракетные шахты «за пазухой» наших миллионных городов, заранее обрекая их на уничтожение.

Основание русского обширного дома — это казачий юг от океана до океана. Это и фундамент Руси и отсюда же ее изначальные корни. Россия родилась не в Новгороде, не в Киеве и не в Москве. Азово-Черноморская, еще точнее Кавказская Русь, — вот где истоки восточных славян и здесь же пряжка или узел Пояса Богородицы. В раннее средневековье весь Кавказ горел куполами православных храмов.

6. Свят град...

Мы говорили о возвышении новых казачьих войск за Уралом после Крымской войны. С умиротворением Кавказа после пленения Шамиля три казачьих войска — Терское, Донское и Кубанское — не утратили своей роли, напротив, они остались гарантами спокойствия Русского Кавказа и всего Юга России, каковыми они являлись на протяжении веков. Теперь, наконец, они могли заняться обустройством края — возводить храмы, гимназии, лечебницы, школы, военные училища, казачьи кадетские корпуса и развивать военное коннозаводство. Словом, заниматься мирным возделыванием родной кавказской почвы, веками бывшей полем сшибок, засад, сражений и битв. В районе Терека и Прикаспия шла многодневная гигантская битва между Сарайской Ордой и войсками монгольского дома Хулагд Хана, овладевшего Ираном после чудовищной резни. На стороне Сарайской Орды лучшую и большую часть войска составляли русские казачьи полки. Позже, у берегов Терека, где были любимые пастбища сарайских ханов, несколько дней шла жесточайшая сеча между Тамерланом и полчищами Тохтамыша, сжегшего Москву в 1382 году после Куликовской битвы. Тамерлан разгромил Тохтамыша и стер с лица земли Сарай. Хотя это был святой долг русских дружин — за погром Батыем русских княжеств.

Кавказские казачьи войска — Донское, Кубанское и Терское — если и принимали серьезное участие в войне до 1914 года, то это были русско-османская война (1877 — 1878) и русско-японская война (1904-1905).

Иное дело казачьи войска Урала, Оренбурга, Сибири и Семиречья. Для них наступала полоса воинской страды и подвигов. Эти войска и возникли как заслон против разбойных набегов и полона со стороны степняков кочевых орд. Они должны были защитить Поволжье и Приуралье и не позволить прервать связь Центральной России с Сибирью. Стратегически они становились фронтовыми и ударными казачьими войсками. Казаки Зауралья обеспечивали России исторический путь к океану, являясь на всем протяжении правым флангом нации, движущейся на Восток к океану.

Еще в 1574 году воевода Иван Нагой основал Уфимскую крепость и оставил там гарнизоном стрельцов и городских казаков. На следующий год Уфимским казакам пожаловано большое знамя и три прапора. В 1586 году основан город Самара. Гарнизон новой крепости составили все те же городские казаки, дворяне-иноземцы да смоленские шляхтичи-белорусы, поверстанные в казачью службу. Начиная с XV века, мы все время сталкиваемся с такой категорией служивых, как «городские казаки». Слово «городские», по первоначальному значению, надо понимать как «крепостные казаки». Все русские города-остроги с того века, начиная со средней полосы России, были возведены и защищались городскими казаками, к которым при Иване IV присоединились стрельцы. На Большой засечной черте то были города-остроги: Мценск, Одоев, Пронск, Белев, Тула, Лихвин, Калуга, Рязск и десятки других городов, укреплявших из века в век родную почву. Русь полтора столетия засекалась за своими лесами от степных бандформирований и набирала силу для броска на Волгу и далее к океанам, когда дождалась Петра.

Строительство Большой засечной черты завершили в 1566 году. Она тянулась от Жиздры на Белев, Тулу и Переяславль Рязанский. Возводили ее полстолетия днем и ночью, зимой и летом, усилием всех сословий. Первенствовали казаки.

На особо опасных направлениях линия имела два ряда укреплений (как между Тулой и Веневым). И три ряда (как между Белевым и Лихвином) и даже четыре ряда между Белевым и Перемышлем.

В полосе леса, где проходили засеки, запрещалось рубить деревья и прокладывать дороги. Это был заповедный лес сдвинутого Пояса Богородицы. Под пологом этих лесов сложились крепкие русские семьи казаков, стрельцов, пушкарей и дворян. Средняя

полоса России и Большая засечная черта, по существу, синонимы. Она давала лучших бойцов, и она же вскормит практически всех поэтов, писателей и музыкантов великой русской культуры. Песни великой литературы родились из песен засечной стражи. Засечную службу часто именовали «береговой», так как она опиралась на пограничные реки и города-остроги.

Засечная черта от поколения к поколению, как подвижное древнее «гуляй-поле», двигалась на Юг в Дикую Степь, навстречу врагу и опасности. Народ и казаки знали — чем ближе к опасности, тем ближе к Богу. К 1571 году черта вынесена на линию Путивль, Рязск, Шацк, Алатырь. Пока русские войска были заняты Ливонской войной, Порта подстрекнула крымцев к набегу. Москва была сожжена ими дотла. Именно после этого звериный оскал показал Кучум и набросился, как стервятник, на восточные рубежи Руси. Народ не безмолвствовал. Он и до этого знал, что нет орды сибирской, ногайской или крымской. Для него все они — детоубийцы и насильники. Знала это и святая в глазах народа дружина Ермака. Разницы между душегубом Батыем или Кучумом никакой, по существу. Вот почему, закладывая крепости Уфимск, Самару и Оренбург, казаки основывали святые города, без которых «Святая Русь» — пустая книжная метафора.

В 1587 году казаки из дружины Ермака основали святой город Тобольск и Тюмень. По сей день чтима икона XVIII века «святой градъ Тобольскъ».

За пять лет до основания новой столицы Сибири — Тобольска — Ермак Тимофеев послал в Москву атамана Ивана Кольцо бить челом новым Царством Сибирским. Иван IV принял Сибирь под свою высокую руку и «велел Ермаку называться не атаманом, но Князем Сибирским».

После гибели Ермака, остатки его дружины под началом атамана Мещеряка составили так называемую «Старую сотню» и несли службу в Тобольске. Позже иные из этой «Старой сотни» вместе с присылаемыми стрельцами и охочими вольными людьми расписывались по крепостям Сибири и образовывали казаков, помимо тобольских, еще и тюменских, томских, березовских, красноярских, пелымских, колымских, якутских. Прямым потомком ермаковских казаков «Старой сотни» был и великий русский художник, красноярец Василий Суриков.

В царствование Петра I в 1716 году положено основание Сибирской линии и построены по Иртышу укрепленные городки и остроги. В конце концов Сибирская линия протянется от Тобольска до Кузнецка на две тысячи верст. В 1720 году Петром I основан Усть-Каменогорск. Граница Сибири тогда проходила через Ишим на Иртыше, ниже Омска.

В 1736 году обер-секретарь Сената Иван Кириллов, человек, боготворивший Петра и молившийся в красном углу на икону Царя-Преобразователя, заказанную им самим, основал города Оренбург и Тобьинск и заселил их беглецами из яицких и сибирских казаков, а также отставными солдатами и охотниками. Позже в Оренбург переведут уфимских и самарских казаков.

Оренбург — это и ворота Сибири и самая кондовая Сибирь. Во время пугачевских бесчинств оренбургские и сибирские казаки, в отличие от уральских, остались верными Императрице Екатерине II.

Донские казаки, башкиры и мещеряки, составлявшие кордонную сибирскую линию, пожелав остаться навсегда, были в 1760 году закреплены в иртышских крепостях, и им было предоставлено право выбирать атаманов. Этим было положено основание особому войску — Сибирскому. Через три года они получили наименование «Сибирской линии казаков». В 1770 году в сибирские казаки записаны около двухсот запорожских казаков за разбойное разорение польских пограничных городов. В 1797 году повелено обратить в казачье сословие две тысячи солдатских малолетков, живших в Тобольской и Томской губерниях.

В 1808 году основано «Линейное Сибирское казачье войско» в составе десяти конных полков и двух конно-артиллерийских рот. Старшинство войска велено вести с похода Ермака, то есть с 1582 года. Старшинство с этого же года было даровано Семиреченскому казачьему войску Императором Николаем II. Семиреченцы начали службу с основания в 1716 году десяти крепостей по Сибирской линии. В 1867 году они выделались из Сибирского казачьего войска в отдельное Семиреченское казачье

войско.

В составе семиреченцев были на службе полки калмыков. Последние, впрочем, прославились отменной службой и в составе Терского и Донского казачьих войск. Неповторимую особенность русскому казачьему войску придавало наличие в его составе, кроме калмыков, полков башкир, бурят, татар, осетин и других российских народов.

Главной причиной отчуждения Петра I от казенной церковной иерархии было резкое неприятие преобразователем-исапостолом Петром византийской духовной вялости, робости социальной и почти полное отсутствие миссионерской наступательности церкви. При Петре I усилилась христианизация калмыков. В 1724 году предводитель калмыков Досанг послал в Петербург своего брата Баксадаю Дорджи просить у русского царя защиты. Баксадаю выразил желание креститься, что вызвало у Петра великую радость. Император пожелал быть крестником калмыцкого тайши. Баксадаю вернулся на родину православным с именем Петр Тайшин. На следующий год к князю Петру Тайшину был назначен энергичный иеромонах Никодим Ленкевич, чтобы согласно инструкции Святейшего Синода заботиться о просвещении «новокрещенных калмыков учением христианской веры».

Русское правительство еще при отце Петра Великого Алексее Михайловиче распознало через донских казаков об особой природной склонности калмыков к верности и чести при безукоризненной отваге. Донской атаман доносил в 1694 году Петру: «...и нам холопом Вашим, оне, калмыки, крыле и бодрость, а неприятелем страх».

Позже оренбургский губернатор Неплюев дал высокую оценку калмыкам, «ибо они натурально люди военные и воинскому действию легчайшие».

Семиреченское казачье войско было создано, как и Сибирское, для защиты российских рубежей, и в пределах этих войск гарантировалась мирная жизнь казахов, киргизов, хакас и всех других инородцев.

Уральские и семиреченские казаки воплощали в себе историческую миссию русского

народа, как провозвестник нового национального братства в мире.

7. Дух веры и богатырства

О любом из казачьих войск-братьев можно написать многотомное исследование. Каждый из этих военно-духовных орденов может на столетие обеспечить кинематограф остросюжетными фильмами, а писателей — романами. В кино на смену «вестерну» мог бы давно прийти «остерн» — о бессмертных деяниях русских казаков на рубежах Святой Руси. Мы не можем даже перечислить здесь главные подвиги казаков — рыцарей Пояса Богородицы, но типологию их противоборства, православную несокрушимость их духа мы выявить можем и даже обязаны — на примере знаменитых сражений.

Первое, что отличает казака от всех смертных, это его глубокая религиозность и верность Православию. Второе — это сильная родовая привязанность, любовь к крепкой, большой и верной семье. Отсюда и инстинкт войскового братства. Никогда основу казачества, вопреки марксистам-социалистам, не составляли бродяги, беглые крестьяне-холопы и разбойники. Стержнем казачества во все века, его предводителями и старшиной были люди свободных сословий, близкие по социальному рангу к дворянству. Российское правительство в непрерывной борьбе с разрушителями не успело осознать и закрепить за казаками в третьем поколении дворянский статус. Только гражданская резня, которая для любой нации является политической чумой, показала России и миру, что казаки всегда были вооруженным и опорным народно-дворянским сословием. Нет казака — нет дворянина. Иначе Лавр Корнилов не обратился бы к ним с призывом: «Казаки! Рыцари земли русской!» А уральские казаки не стали бы именовать себя «прияцкими лыцарями». Это вам не книжные метафоры, это исторгнуто самой жизнью в минуты смертельной опасности. Потому все казачьи войска, и прежде всего рассеченные преступно-гулаговскими границами (Уральское, Сибирское, Семиреченское и Донское войска), должны быть признаны миром как величайшее культурное наследие человечества.

Мы говорили о том, что Уфимск был заложен в 1574 году, а Самара в 1586-м. На самом деле на Волге, в районе Самары, русские укрепления возводились еще в XIV веке и возродились на поселениях, существовавших до ордынского погрома. Знаменитая Нижегородская торговая ярмарка, которая укоренилась в Нижнем у Макарьевского монастыря, была перенесена туда из этих мест и гремела здесь еще в XIV веке. У нас в XIX веке появились «целые стаи» полуграмотных разночинных интеллигентов, которые занимались обрезанием истории и укорачиванием где только можно укорененных проявлений жизни. Они даже сумели внушить вчерашним крепостным, повалившим в вузы, что XVII век — это уже «древняя литература». Теперь это повторяют и академики-филологи, внушая студентам несусветную чушь и культивируя в них непролазную дремучесть.

Мы упоминали уже, что Яицкое войско (Уральское) официально было создано в 1577 году вольными волжскими казаками, которых правительство, как и всех «непокорных», называло «воровскими». В силу того, что Уральское войско было поголовно староверческим, оно почти в полном составе приняло участие в бунтах Стеньки Разина (1670), а столетие спустя — Емельяна Пугачева. Но казаки на Волге были всегда, даже в период злокачественного расцвета Сарайской Орды.

Во всяком случае, даже новгородские ушкуйники громили ордынские столицы на Волге задолго до Куликовской битвы.

Когда первые киргиз-кайсацкие юрты появились близ берегов реки Урал в XVIII веке, Уральское казачье войско уже полновластно и официально хозяйничало здесь уже двести лет. Уральское казачье братство «прияцких лыцарей» даже среди казаков отличалось особой религиозностью. Столкновения пришельцев из Малой и Средней казахских орд с уральцами были неминуемы. Но уральцы осаживали и не таких степняков. Калмыки, наводившие своей сплоченной яростью ужас даже на кавказских горцев, непрерывно терзали казахские племена, но с уральцами соблюдали вооруженный и степенный мир. Кроме калмыков главным врагом киргиз-кайсаков были разбойные шайки хивинцев и кокандцев, безжалостно разорявшие и истязавшие казахов.

Мы обещали выявить типологию поведения казаков в бою. Лучше всего начать со

знаменитого Иканского боя 4 — 6 декабря 1864 года. В этом сражении с кокандцами уральцы выступили на защиту казахов и в содружестве с ними. Казахи выполняли роль связных и разведчиков.

К городу Туркестану рвалась десятитысячная армия кокандца Алимкуля. Иканский старейшина запросил помощи. Уральское войско бросило навстречу Алимкулю сотню казаков во главе с 35-летним есаулом Василием Серовым, наказав ему не ввязываться в неравный бой с чрезмерными скопищами степняков. Но сотня уральцев, завидев десятитысячное войско тюрков Коканда, вспомнив о невинных жертвах полона, решила дать бой. Сотня против десяти тысяч! Иканский старейшина утверждал, что кокандского войска было не менее двадцати тысяч. Доверимся глазомеру казаков. Этот Иканский бой нам важен как ключ к пониманию типологии воина-казака, находящий подтверждение во всех сражениях со времен заставы святого атамана Ильи Муромца, через поединок Мстислава с Редедей, яростного натиска Евпатия Коловрата с дружиной на всю армию Батыя, через великое противостояние казаков Азова всему войску янычаров Порты. Иканский бой перекликается со всеми сечами казаков Иловайского и Платова, с маньчжурским рейдом 1900 года, когда 1-й Аргунский полк за беспримерный рейд был удостоен шести серебряных георгиевских труб, и, наконец, с невиданной в истории войн доблестью казаков на Кавказском фронте в Первую мировую войну.

В составе Уральской сотни Серова было 98 казаков. Два обер-офицера. Пять урядников. Четыре артиллериста. Один фельдшер. Один фурштат и три кайсака (казаха) верблюдовожатых. Казаки были вооружены, в отличие от ордынцев, не гладкоствольными ружьями, а винтовками с двойным запасом патронов. Артиллерию сотни составлял один горный «единорог» с сорока двумя зарядами дроби. Картечь «единорога» во многом и сдержала бешеный натиск кокандских бандформирований.

Сотня засела в степи вблизи Туркестана. Казаки могли рассчитывать только на себя. Опытные казаки учили молодых относиться к каждой пуле как к драгоценности. Не палить в толпу. Выбирать мишень и по возможности — вожаков. Уральцы всегда отличались особым боевым упрямством, степенностью и холодным ровным бесстрашием без вспышек энтузиазма. Каждый казак воспринимал себя в непобедимом смирении — оружием Божиим.

Итак, грянул двухдневный Иканский бой. Сотня уральцев Серова против десяти тысячного войска профессиональных головорезов из Коканда.

Через двое суток непрерывного боя под сильным огнем противника великая сотня Серова стала медленно отходить, сохраняя боевой порядок, навстречу рвавшемуся им на выручку русскому отряду. Сотня отходила с серьезными потерями, забирая своих раненых и убитых. Есаул Василий Серов был обожжен, ранен в спину и шею. Шинель на нем была прострелена в восьми местах. В талантливой книге Н. Селищева «Казачья Россия» приведены об Иканском бое выдержки из рапорта коменданта города Туркестана командующему Сыр-Дарьинской линией, в коем он счел «священным долгом» сообщить о поведении раненых уральских казаков: «...в то время, когда в лазарете делали перевязку раненых, эти герои, несмотря на то, что у некоторых было по пять и шесть ран, и даже в то время, когда у некоторых вырезывали пули, они хладнокровно и даже некоторые смеясь рассказывали про свое молодецкое дело и единодушно все хвалили своего командира есаула Серова за его распорядительность, храбрость и неутомимость; некоторые же из казаков сверх того прибавляли, что они, бывши во многих жарких делах под Севастополем, при взятии Ак-Мечети, ...почти не видели у себя ни одного такого распорядительного и неустранимого командира».

За Иканский бой 4 и 5 декабря 1864 года есаул Василий Родионович Серов награжден орденом Святого Георгия 4-го класса и чином войскового старшины. Вся сотня тоже была отмечена разными наградами. Этот бой одинокой русской сотни против десяти тысяч головорезов оказал сильное моральное воздействие на все кокандское работорговое ханство. Они поняли, что исторически их дни сочтены, вместе с их преступными тысячелетними невольничьими рынками.

Раз мы заговорили о типологии казачества, отметим, что казаки никогда не были причастны к такому мерзкому делу, как работорговля. Напротив, они в истреблении работорговли видели свою духовную миссию на земле.

Несмотря на набеги ордынцев и их погромы мирных русских сел и городов, утверждают летописи, казаки никогда не воспринимали их (ордынцев) как равных себе воинов, и дух победный не покидал землю русскую. Именно в отсутствии этого мотива состоит глубочайшая порочность и ложь такого фильма, как «Андрей Рублев», и нечестивого сериала о Ермаке и многих других подделок «а ля рюс» с «куполаз энд балалайка».

Летопись 1148 года сообщает о подвиге храброго Демьяна Кудашевича на границе. Без ратных доспехов он один вышел навстречу половецкому отряду (кипчаков) в триста всадников, врезался в них и после яростной схватки погнался вон. Охранял Демьян границы Переяславля Русского (ныне Хмельницк на Днестре).

До монгольского нашествия на Русь оформилось целое движение «витязей Господних», народ чаще называл их «Божьи воины». Популярность у них была всенародная. Перед ними преклонялись и князья и казаки и крестьяне. Они выходили в одиночку на любое количество врагов. Иногда их сопровождал в бой оруженосец. Быть может, это самое драгоценное и интересное явление, которое подарил русский народ до Батыя. Мы знаем, что около восьмидесяти витязей Господних, цвет русской земли, прародителей казачества, пало в битве на Калке, под тучей ордынских стрел. Они презирали доспехи и шлемы, выходя на бой в одной холщовой рубахе и с мечом. Движение «Божьих воинов», как форма русского рыцарства, не стало после ордынского погрома достоянием школьных хрестоматий, даже после правления такого чуткого национального учителя, как Петр I. Когда же историки — от Татищева и Карамзина — взялись за летописи, в русской жизни начало набирать силу такое болезненное явление, как «критический реализм» с недобрим прищуром, в историографии власть захватили историки обличительного анализа. Самым злокачественным из наших историков был Василий Ключевский, самовлюбленный, ироничный и злобный. Не зря он породил такого подлого ученика, как историк и политикан Милюков. Ключевский в своей пятитомной истории России посвятил всей Сибири всего один абзац! Все пять томов, кроме частных фактов, — злонамеренная и ерничающая ложь. Во времена Ключевского большая часть Урала считалась кондовой Сибирью вместе с Оренбургским войском. Обличительная история родной земли обокрала поколения школьников и нанесла ужасающий ущерб России. Но дух витязей Господних продолжал жить на полях сражений, в русском флоте и гвардии, в казачестве, но только не в кабинетах историков и писателей. Исключение — «Тарас Бульба» Гоголя. Суворов потому и был непобедим, что угадал заложенный в его народе дух богатырства и верности Богу. Историки и писатели не угадали и после Державина не способны уже были к постижению сокровенного в силу обмирщения и старческого рационализма. Дольше, сильнее и упрямее древних дух веры и богатырства хранили православные казачьи войска-братства.

Этот дух проявляется в бою и песнях. В любимой песне 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска так пелось:

*Без патронов, мы на шашки
Каждый против десяти.*

Эта песня была любима и другими полками казаков на Кавказском фронте. Однажды Пушкин горестно заметил, что «мы ленивы и нелюбопытны». Эти слова с не меньшей горечью вспомнил наш выдающийся историк Вячеслав Лопатин в книге «Светлейший князь Потемкин», вышедшей в свет в 2004 году. Лопатин талантливо доказал, что Потемкин ни одного часа своей жизни не был фаворитом вопреки пачкунам литераторам и историкам. Потемкин со дня и года своего возвышения в 1774 году и до гибели в 1791 году был супругом и соправителем Великой Екатерины II. Он-то и был истинным хозяином земли русской. Роль Потемкина в истории армии, флота и казачества исключительна. Четыре человека за триста лет подверглись особенно массивной и программной клевете — это государи — Петр I, Николай I и Николай II и светлейший князь Таврический. Последний оказал решающее влияние на судьбы всего казачества. Потемкин — единственный из всех первых лиц государства, помимо Суворова, обладал глубокой религиозностью и поддерживал непрерывно связь с духовенством. Орден св. Георгия 3-го класса он заслужил в румянцевской армии личной отвагой в бою, этот конногвардеец свободно читал в оригинале Гомера. Лопатин вернул народу подлинного Потемкина, которого Пикуль, через ночные горшки, интриги и пьяное иканье, пытался сделать размашистым альковным героем на потребу разложившемуся эстраднему быдлу.

Лопатин, очистив светлейшего князя от клеветы, совершил выдающийся подвиг в укреплении безопасности государства, в упрочении исторического оптимизма народа.

Суворов говорил о Потемкине: «Счастье мое за него умереть» и обращался к своему благодетелю: «Светлейший Князь, мой Отец!» Светлейший Таврический князь был до смерти Верховным атаманом всех казаков. Екатерине он писал: «...при занятии Крыма корпус, расположенный на Кубани, будет на готовой ноге произвести удар на тамошние орды, дабы привести их на долгое время не в состояние к туркам присоединиться, — и далее, — корпус Новолинейный, который может называться Кавказским». Этими войсками командовал на Азово-Моздокской линии и на Кубани Суворов.

Суворов, по свидетельству В. Лопатина, как-то написал дочери: «Я ее солдат (т.е.

императрицы), я умираю за мое отечество. Чем выше возводит меня ее милость, тем слаще мне пожертвовать собою для нее. Смелым шагом приближаюсь к могиле, совесть моя не запятнана. Мне шестьдесят лет, тело мое изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага Государства». Какие чудные слова для юноши при воспитании мужественной души. Православный генералиссимус князь Суворов умер со словами: «Генуя... Сражение... Вперед!» Но когда на сегодняшней Кубани создавали казачий кадетский корпус, то удостоили его не именем людей, которым Кубань обязана существованием — князьям Потемкину и Суворову, а почему-то именем рядового и малозначащего наказному атамана Бабыча. Странно проявляется у «верных черноморцев» величие души и благородство.

Интересно, что оба — и Суворов и Потемкин, и воспевший их Державин, серьезно замыслили связать свою жизнь с церковью и уйти в монастырь. Потемкин в последние дни перед смертью напишет покаянный канон «Ко Господу». Пушкин сетовал, что «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя следов». Если бы только люди, а то исчезают из национальной памяти дивизии, корпуса, княжества и даже целые многомиллионные армии, вместе с войной, которую они вели.

8. Великая и роковая

Первую мировую войну ее участники справедливо именовали «Великой». Она была таковой по всем измерениям, но для русского народа, казачества и государства она оказалась и великой и роковой. На месте русской армии, ведшей в Первую мировую войну кровопролитные сражения, зияет в народном сознании черная дыра, продуваемая космическим хаосом. В эту дыру унесло и Кавказскую отдельную армию, и ее предтечу, лучший в мире Отдельный Кавказский корпус. Ни у одной страны с древнейших времен Шумера ни на одном континенте не было воинского соединения, по стойкости, традициям, верности и боеспособности равного Кавказскому корпусу. Все эти «бессмертные» иранские владыки, афинские гоплиты, когорты Александра Македонского, легионы Цезаря, рыцарские дружины и «старая гвардия» Наполеона, которая «умирает, но не сдается» — все эти доблестные отряды высокой выучки и духа бледнеют перед столетним служением в непрерывных боях отдельного Кавказского корпуса, который военные уважительно звали «полугвардейским». Кавказский корпус, ядро которого составляли казаки и драгуны, лучшее, что создала мировая военная

история.

Сегодня о Первой мировой войне из сознания даже образованных россиян с учеными степенями в лучшем случае может всплыть лишь определение типа «Брусиловский прорыв». Между тем прорыв летом 1916 года австро-венгерского фронта, известный по военным сводкам и военной литературе, как «Луцкий прорыв», именно большевики назвали «Брусиловским» в награду за переход генерала Брусилова на сторону красных.

На самом деле «прорыв» целиком и полностью был «Императорский», и так должен бы называться впредь. Этот победоносный глубокий прорыв, потрясший все фронты противника, как бы венчал нечеловеческие усилия царя Николая II, выправившего фронт, после того как он ровно год назад занял пост Верховного Главнокомандующего своей разбитой и бегущей армии.

Эта великая война с первого часа стала делом *государевым*, он ее начал и выиграл, но предатели-генералы во главе с начальником штаба Ставки Алексеевым и скрытые террористы из Думы не позволили народу воспользоваться плодами заслуженной победы в мировой кровопролитной войне.

В 1914 году Император настоял на повсеместном «сухом законе» для России. То был самый мужественный мудрый и счастливый закон за всю историю Православной России.

«Пьяный бюджет» премьера Витте давал от продажи спиртного до трети дохода казны. Либеральный интриган Витте гордился тем, что ввел монополию государства на продажу спиртного и положил начало организованному спаиванию нации. Царь своим «сухим законом» уничтожил все достижения Витте с его дутым и раскрученным авторитетом.

Великий физиолог Иван Павлов, генерал медицинской службы, посвятивший жизнь борьбе с главным врагом русской земли — алкоголем был в восторге. Павлов беспощадно высмеивал идею ученых прохвостов о безвредности «культурного» питья. Торжествовала и Русская Церковь. Ликовало казачество. В 1916 году крестьянские депутаты Думы внесли законопроект «О введении трезвости в России на вечные времена». Россия пробудилась от векового дурмана и богатырски расправила плечи. «Сухой закон» продержался десять лет. В 1924 году пьянство вновь узаконили убийцы царя, чтобы латать прорехи после революционного погрома страны.

Мужество и мудрость царя, отказавшегося от трети дохода воюющей страны, трудно осмыслить обыденным сознанием. Этого одного акта достаточно, чтобы причислить его к лику святых.

Английский премьер Ллойд-Джордж, потрясенный поступком царя, сказал о «сухом законе» Николая II: «Это самый величественный акт национального героизма, какой я только знаю».

Вся жизнь Государя Николая II — среди взрывов бомбистов, убийства министров, несчастной и героической войны с Японией, гнусного мятежа 1905 года — все его почти четвертьвековое царствование было «величественным актом национального героизма». Но из всех этих крестных лет самым величественным стал 1916 год, самый выдающийся год русской истории после Петра Великого и едва ли не самый героический со времени посещения и крещения Руси апостолом Андреем Первозванным и после 1441 года, т.е. года духовного возглавления Русью всего христианского мира.

Император Николай II при всей православной скромности своего монаршего поведения обладал острейшим стратегическим мышлением и личной отвагой. Государь был едва ли не единственным человеком в России, кто твердо был убежден, что кратчайший путь к Берлину лежит через Кавказский фронт, Царьград и Босфор. Царь был и наиболее универсально образованным и стратегически опытным человеком России. О ключевой роли Босфора знала вся тайная политическая элита Англии — благодаря мировому горизонту «владычицы морей», вере в превосходство морских путей над сухопутными и звериному чутью британцев на сильные и слабые стороны своих врагов.

Только поэтому в 1915 году наши заклятые союзники — англичане и французы торопливо бросили полумиллионный десант в Дарданеллы, чтобы опередить русских и первыми занять Босфор и Константинополь. На полуострове Галлиполи десант был разгромлен вдвое уступавшими им в силах османами, которых готовили немецкие офицеры из школы Мольтке и Шлиффена.

Англичане, подгоняемые Черчиллем, бросились в Дарданеллы после разгрома Юденичем под Сарыкамышем 150-тысячной лучшей османской армии, во главе с зятем султана и военным министром Энвер-пашой.

Энвер-паша был пылким пантюркистом. В его воспаленном сознании дымила идея «Туранского ханства». Он уже видел, как опрокидывает русскую армию, поднимает мусульман Закавказья, Поволжья, Средней Азии и разрушает весь Юг ненавистной христианской империи «урусов».

Но в истории все химерические идеи с приставкой «пан» — будь то пантюркизм, панисламизм, пангерманизм или панславизм — всегда кончались катастрофой. Такова природа химерической парадигмы. В 20-х годах Энвер-паша пытался воодушевить своими идеями басмачей в Средней Азии, но был заколот в одной из стычек.

Трехнедельная битва под Сарыкамышем стала главной битвой Первой мировой войны, определившей все последующие события и покрывшей неувядающей славой все казачество и все русское воинство. Тогда, 12 декабря 1914, года турки сбили русские силы с Бардусского перевала и двинулись к Сарыкамышу. Этот город был чрезвычайно важен во всех отношениях. Здесь заканчивалась железнодорожная ветка из Тифлиса, и Сарыкамыш был главным складом амуниции и боеприпасов для всей Кавказской армии.

Когда турки подходили к городу, в Сарыкамыше были только разрозненные силы ополченцев да обозники. Случайно проездом из отпуска в Сарыкамыше оказался полковник Николай Букретов, начальник штаба 2-й пластунской бригады (в гражданскую войну Букретов будет избран атаманом Кубанского казачьего войска). На счастье, в Сарыкамыше оказались ехавшие на фронт сто выпускников Тифлисского военного училища и кадровые части двигавшегося на позиции 4-го Туркестанского полка. Они встретили передовые части 9-го корпуса Ислам-паши организованным метким огнем. Ислам-паши, решив, что теперь русские никуда не денутся, решил подождать подхода всех сил корпуса.

Тогда же начальник штаба Отдельной Кавказской армии генерал Юденич, с его опытом японской войны, настоял на том, чтобы весь штаб армии немедленно выехал в Сарыкамыш. Сохранив должность начальника штаба армии, Юденич выпросил себе временное командование 2-м Туркестанским корпусом. Он рвался в бой. Казалось, страшная опасность, нависшая над войсками, только придает ему решимости.

Тем временем турки вышли к Ново-Селиму и полностью отрезали Сарыкамыш от русских сил. Наступил «час истины» для всей Кавказской армии. Тогда же Энвер-паша заметил о русской армии: «Если они отступят, они все погибнут». Он был абсолютно прав. Единственная патрульная дорога была, по сути, обледенелой вьючной тропой. Отступить по ней большими силами было невыносимо. Даже если решиться на это безумие, надо оставлять в Сарыкамыше противнику всю артиллерию, боеприпасы, склады с продовольствием и амуницией. Драматизм и исключительность ситуации осложнялись тем, что пылкий Энвер-паша и себя загнал в ловушку. Если он не возьмет Сарыкамыш и отступит, он тоже погибнет с корпусами своих аскеров. Обе стороны это понимали. Перевалы занесены. Двадцатипятиградусные морозы со свирепыми ветрами Анатолии господствуют всюду. Вокруг обледенелые пропасти.

15 декабря 1914 года в Сарыкамыш вошла 1-я пластунская бригада отважного генерала Пржевальского, а также Дербентский и Кубинский полк 39-й пехотной дивизии, заслуженно слывшей непобедимой. Бешеные атаки двух корпусов Энвер-паши были с величайшим напряжением отбиты. Рукопашный штыковой бой шел до темноты. Общее командование осажденными взял на себя генерал Пржевальский.

К вечеру 20 декабря к сарыкамышской войсковой группе присоединились 1-я Кавказская казачья дивизия и 2-я Кубанская пластунская бригада.

21 декабря генерал Юденич велел всем войскам сарыкамышской группировки перейти в наступление. Энвер-паша бросил разгромленные корпуса (9-й и 10-й) и появился под Караурганом, чтобы ударами своего сильнейшего 11-го корпуса восстановить положение и избежать полного разгрома. Энвер-паша был не робкого десятка и сам не

раз водил в бой свои части. Но тут свое слово сказали гренадеры знаменитой 39-й дивизии. Они приняли открытый бой и расстреляли, перекололи и подняли на штыки упорных аскеров 11-го корпуса. После этого сражения 29-я пехотная дивизия навсегда заслужила на кавказском фронте наименование «Железная».

Из 90 тысяч аскеров, сражавшихся в Сарыкамышской операции, спаслись только 12 тысяч. Русским досталась вся артиллерия и обозы. Потери Кавказской армии тоже были значительными. Из 45-ти тысяч участников сражения 20 тысяч воинов были убиты и ранены. Но 3-я Анатолийская армия, лучшая армия Османской Порты, собиравшаяся зимовать в Закавказье, была разгромлена.

Почти восемьдесят лет спустя мы начали две компании на Кавказе, в Чечне, в пределах изначальной Кавказской Руси, забыв и предав как казачество, так и бессмертный Кавказский корпус. Шестая рота псковских десантников даже среди духовного и ратного беспамьяства показала мировой класс доблести и самоотверженности. Но не ведали ни в Ростове, ни в Краснодаре, ни в Грозном, ни в Москве, что Кавказский корпус все сто лет состоял из «шестых рот».

Не вооружив солдат опытом отцов, никто не имел права посылать на Кавказ необстрелянных и духовно обкраденных солдат. Мы в который раз «вышли в поле без кольчуги». Ковка этого исторического военно-духовного доспеха и есть одна из важнейших задач государства. Если государство хочет остаться на пространствах Земли.

Государь Император Николай II это понимал как никто другой. Та война, первая, сразу стала делом государевым, и он ее выиграл — от «сухого закона» и первых выстрелов на Кавказском фронте.

После жесточайших боев у Сарыкамыша, которые историки склонны считать самыми кровопролитными за всю историю русско-османских войн, в Лондоне поняли, что теперь разгром Германии и ее союзников — дело времени. Воротилы из Сити со всей жутью

осознали, что Россия уже практически выиграла войну и самый страшный для Альбиона кошмар свершится неминуемо — русские войдут в Царьград и выбьют из войны Порту вместе с Австро-Венгрией. Это означает, что завтра Россия будет господствовать в Средиземном море и русские дредноуты, как пробку, вышибут с Гибралтарской скалы английские батареи, которые угнездились там еще при Петре I.

В Лондоне осознали, что теперь их враг номер один уже не кайзер и не германский флот Открытого моря, созданный адмиралом фон Тирпицем, а лично русский Император и его династия. Кайзер зажат фронтами и заперт в гаванях, а Россия обладает опаснейшими возможностями маневра против Британской гегемонии в мире — как со стороны Босфора в Европу и Каспия в Индийский океан, так и со стороны проклятого Романова-на-Мурмане, который из своего глубокого и незамерзающего порта может посылать корабли в открытый океан и сторожить всю Атлантику.

19 февраля 1916 года, сразу после падения Эрзерума, министр иностранных дел Сазонов доложил Императору, что им получено окончательное согласие Англии и Франции на требование Его Величества признать-(и здесь грех не дать разрядкой): «город К о н с т а н т и н о п о л ь, западный берег Б о с ф о р а, М р а м о р н о г о моря и Д а р д а н е л л,

а также южную Ф р а к и ю до линии Э н о с - М и д и я, включенными в состав Российской империи» .

Тогда же союзники признали права России на вхождение Трапезунда, Эрзерума, Вана и Бишлиса в состав России.

Итак, Император Николай II отрезвил свой народ, в 1915 возглавил лично сражающуюся армию и фактически выиграл к февралю мировую войну. Вернуть святыни Царьграда Православию клялся перед Восточными Патриархами еще царь Алексей Михайлович, отец Великого Петра.

Летом с помощью 8-й армии казака Каледина Царь совершает «Императорский прорыв» Юго-Западного фронта и почти выводит из войны Австро-Венгрию. В течение 1916 года адмиралы Эбергардт, а затем Колчак изгоняют и очищают все Черное море от кораблей османов и немцев. Противник заперт и не смеет даже высунуться из Босфора. Для захвата Царьграда Царь назначает на Черноморский флот энергичного Колчака. Два десантных отборных корпуса ждут сигнала. До захвата Константинополя остается неделя-другая, т.е. до полной победы в войне. И тут на сцену выплзают тайные террористы из «гнилой» Думы. В свое время Столыпин предложил лидеру кадетов Милюкову поддержать его партию на выборах в Думу, если он публично осудит терроризм. И, думаете, что сделал любимый ученик обличителя русской истории Ключевского? Он отказался. Какие-то тайные обязательства оказались для него выше даже политического успеха. Почти все партии в Думе были политическим крылом террористов и расчленителей России. Печать превратилась в бизнес-сообщество клеветников, прикрывавшихся с усмешкой фиговым листочком «свободы слова».

Последовало насильственное отречение Главы Государства и Верховного Главнокомандующего. Вожак военных заговорщиков генерал Алексеев был использован думцами, а потом презрительно смещен с поста Верховного Главнокомандующего — поста, ради которого он предал своего Императора. Обиженный Алексеев уехал на Дон, чтобы отомстить за свое унижение. Потому среди военных деятелей мы его не будем брать в расчет, хотя бы из уважения к памяти убитого Государя и тех несчастных, которыми вскоре будут заполнены братские могилы Гулага.

Знаменательный год в истории России — 1916-й — год побед и свершения тысячелетних надежд имел кровавое продолжение. Наступило время преступников «февраля» и одновременно самый героический этап в истории казачества. Этот этап породил величайший роман XX века — эпическое полотно Шолохова «Тихий Дон».

Всенародно отмечая в эти майские дни столетний юбилей Михаила Александровича, навсегда связавшего свою писательскую судьбу с донским казачеством, мы чтим достоинство и великие традиции русских казаков. Чувство невозвратимости русской благословенной монархии, грусть по навсегда ушедшим из жизни благородным искателям правды и отрезвляющая дистанция времени помогают приблизиться к правильному ракурсу и подлинному масштабу личностей, вовлеченных в яростную и, может быть, последнюю на земле эпическую борьбу.

Наступила эпоха, которая высветила миру истинную роль казачества в судьбе родного народа и его государства. Только земли казачьих войск оказались бесповоротно верны идеалам исторической России. Все двенадцать казачьих войск по всему Поясу Богородицы уведомили после «октября» новую власть о своем неприятии переворота. Как отписал им Круг яицких (уральских) казаков: «Не можем признать законной власть, ставшую таковой незаконно». Все казачьи войска до единого объявили священную войну большевикам.

Очень важно отметить, что к февралю 1917 года, после трех с половиной лет жестоких сражений, наиболее выдающихся военачальников выдвинули из своих рядов именно казаки. Никто не мог сравниться с генералом Корниловым по славе в России и любви к нему солдат. В нем видели и диктатора и спасителя России. Не меньшей популярностью пользовался благородный и многодумный генерал от кавалерии Каледин, первый выборный атаман Дона за последние двести лет. Третьим выдающимся казаком общероссийского масштаба был атаман Оренбургского казачьего войска генерал Дутов. Последний на съезде в Москве от депутатов всех казачьих войск был избран главой Совета казачества. По энергии, организаторской хватке и государственному уму Дутов превосходил даже Каледина и Корнилова. Очень ярок и незауряден был командир корпуса Петр Краснов, который в 1946 году кончит жизнь на эшафоте внутренней тюрьмы Лубянки в возрасте 78-ми лет.

Потом, в гражданской войне, проявят себя еще многие генералы. Удельный вес казаков среди них был значителен. Барон Николай Врангель не снимал черкеску и встретил «февраль» казачьим генералом-забайкальцем с вензелями Цесаревича на погонах. Будут греметь имена атаманов Семенова и Анненкова. Последний силой захватит в Омском, соборе священное знамя Ермака и с двенадцатью офицерами своей тайной организации уйдет в степь и станет атаманом Семиреченских казаков. Атаману Семенову Колчак последним приказом отдаст власть над всей Сибирью.

В 1926 году генерала Анненкова сотрудники ГПУ выкрали из Китая. На следующий год его судили в Семипалатинске. Казачьи станицы глухо гудели. Поэту Павлу Васильеву, сыну учителя математики, недавнему казаку анненковской дивизии, было тогда 17 лет. Суд над грозным атаманом породил одного из самых трагичных поэтов XX столетия — Павла Васильева. Уже в 18 лет он создает свое главное поэтическое произведение «Песнь о гибели казачьего войска». В поэме «Соляной бунт» Васильев, единственный из русских поэтов, впрямую протянул руку автору «Слова о полку Иго-реве». Себя он изобразил в поэме «Христолюб-ские ситцы» в образе Игната Христолюбова,

написанной в Рязанской тюрьме. В Москве он пользовался феноменальной популярностью как в литературной среде, так и в ОГПУ. Васильев не скрывал, что целью его жизни является создание «казачьей Илиады». Этот подвиг был бы ему по плечу. Трижды арестовываемый, он был расстрелян в 1937 году. Поэту было 27 лет.

Казачество — выразитель русской народной души. Сибирский казак Суриков — крупнейший русский живописец. Самый выдающийся русский философ, тайный монах Андроник — в миру Алексей Лосев — из дворян Всевеликого войска Донского. Рядом с казаком Шолоховым с его «Тихим Доном» нельзя поставить ни одного романиста в мире.

В свои войска казаки уважительно принимали и инородцев и инославных. Никто не сумел решить национальный вопрос лучше России и ее казачества. Порукой тому Кавказская (Дикая) дивизия, которую на Западном фронте водил в бой брат Императора, Великий князь Михаил Александрович.

Казаки перестали бы быть собой, если бы доблестно не воевали в последнюю Отечественную войну с нацистской Германией. 24 июня 1945 года во время знаменитого парада армии победительницы они прошли по Красной Площади в своей родной форме.

Потому в наши дни нет и не может быть «ряженных» казаков. Каждый мужчина, каким бы он ни казался обывателю, надевая казачью форму с лампасами, по сути, этой формой как бы поднимает казацкий флаг. Он в глубине души остается верен тому, что полковник Тарас Бульба назвал «русским товариществом».

Казаки и сейчас являются дотирующими добавками в броню российской военной силы. Говорят, в 30-х годах XX века все казаки потянулись в небо. Каждый третий летчик был из казаков. Не случайно четыре главкома ВВС к началу перестройки были из казаков — генералы: Кутахов, дважды Герой СССР Ефимов, Шапошников, Дейнекин. Теперь утверждают, что каждый третий офицер в воздушно-десантных войсках тоже из казаков.

Чтобы до конца понять феномен казачества, представьте себе, что (не дай Бог!) на свете остались только три русские семьи. Одна из трех обязательно станет казачьей и православной, чтобы оборонить две других семьи. Если на свете останутся две русские семьи, то одна из двух пойдет в казаки, чтобы заслонить другую. А коли на свете останется только одна русская семья, то она станет православной казачьей и даст с Божией помощью новый побег. Это, разумеется, только образ. Умозрительная схема. Любой казак на один акт братства приведет вам дюжину случаев распри, вражды и интриг между казаками. Но братство в конце концов оказывается сильнее.

Господи, спаси и сохрани Россию!

Май 2005